

С. Каменев

ПИСЬМО БАБУШКЕ

Дорогая моя! Забыл я тебя совсем. Вот только когда опомнися! Опомнися и пишу. Тебе пишу — нет у меня никого больше, с кем отвести душу, разделить ее честно пополам. А поделиться душой бывает подчас нужно — до зарезу. Так уж сложно и скверно устроена человеческая личность!

Ты мне была, пожалуй, единственным человеком на свете, который любил меня, не думая о том, хороший я или плохой, умный или глупый, красивый или урод. Ты просто любила. А это бывает так редко!

Мне тяжело до бессмыслицы. Я весь как в кулак стиснут. Сам в себе задыхаюсь. Не подумай, что я свихнулся. Нет! — Как врач я знаю, что здесь нет никакой психической аномалии, и мне не угрожают ни курс лечения, ни сумасшедший дом. Поздно!

Я собрался уехать, бабушка! Далеко-далеко. Вот и хочу сообщить тебе об этом. Не надо отговаривать, не нужно советовать. Ты меня любила, и я хочу, чтобы ты знала, что со мной.

Я не разругался с коллегами, у меня нет никаких неприятностей по службе, напротив того, даже кое-какие успехи. И все-таки у меня никого и ничего не осталось. Кроме тебя, бабушка.

Ты подумаешь: неудачная любовь. Было, между прочим, и это. Было. Когда я иду по улице и вижу перед собой цветущую девушку, я тут же раздеваю ее и мне открывается грязно-багровое сердце, гаустрирующий кишечник — словно клубок огромных пощевеливающихся, тяжело дышащих червей, — желез со своими выделениями и запахи, запахи, запахи — за десять шагов бьет в нос вонь человеческая!

Я хожу среди людей как рентгеновский аппарат, и под пиджаком соседа возникает клетка из ребер, где дышат, раздуваясь и опадая, темные мешки. Общество превратилось для меня в анатомический музей.

До удачной ли тут любви, бабушка!

Я потерял очаровательную молодую женщину. Я не смог любить ее. Когда она бывала совсем рядом со мной, мне неизменно представлялся скелет. Я не мог, ну никак не мог, избавиться от этого видения. Хотел и не мог. Мне так и лезли в глаза — пот, слезы, сукровица. Я до головокружения чувствовал, чем пахнет человек. Я воспринимал всеми пятью чувствами те функции организма, которые превращали мою возлюбленную, мою нежную и покорную, теплую и хрупкую, в объект анатомии и физиологии.

У меня опускались руки. Объять разжималось.

Она ли ушла от меня, я ли сбегал от нее — не все ли равно!

А теперь, когда ее нет, когда я вижу мою любовь издали, заглазно, я рвусь к ней. Рвусь, когда поздно.

Какое это медицинское слово "поздно"! Сколько раз я мысленно писал его как резолюцию на жалобах своих пациентов!

Ты удивишься, что пожилой врач пустился в сантиментальности, стал бояться крови и слезы. Добро бы студент-медик!

Испокон веков человечество барахтается в крови и слезы, бабушка! И выбраться не может. А сие не всякий студент-медик разумеет.

Каждый понимает, из чего он состоит, каждый видит ежедневно, как работает его организм. Не понимать — одно, а ощущать — другое, совсем другое дело. Как в искусстве: можно понимать, но не воспринимать. Все мы видим и понимаем и... забываем. Понимаем, но не внемлем. А не внемля, приемлем. С древних времен ведомо: из праха созданы и в прах обратимся, сосуды скудельные. И Паскаль писал: Не будучи в силах исцелиться от болезней, убожества и смерти, люди уговорились вовсе не думать о них.

А у меня беда, бабушка! Я понимаю, воспринимаю и не принимаю. Меня мутит не фигурально, а по-настоящему, мутит от того, что я вижу в людях ежедневно и ежечасно. Я

не могу избавиться от этой мути, ибо не могу постичь умение забывать.

Да не только люди! Когда я иду по улице, — сами дома — надвигаются на меня какими-то бессмысленно жестокими геометрическими фигурами. За фасадами зданий проступают остовы. Каждый дом для меня — как после бомбардировки.

Вот я и собрался ~~мысли~~ сбежать. Далеко-далеко. Авось и не буду видеть всей этой подлой анатомии. Надо удирать в самую глушь. Пока не поздно.

Мне недалеко до полувека. Бывает иногда необходимо перейти границу, оказаться за рубежом. Не выдай же мою тайну, чтобы мне не помешали.

А тебя я целую крепко-накрепко.

Твой внук Серафим.

На почте хохотали:

— Ну и шутник!

— Вот чудик-то!

— Придет же в голову!

На конверте было выведено черной тушью:

ЗДЕСЬ. Благовещенское кладбище. 2-ая липовая дорожка.

Любови Эрастовне КАМЕНЕВОЙ.

Письмо хотели отправить в музей связи, но через день худенькая, — в чем душа держится — почтальонша Верочка уложила его в целлофановый мешочек, мешочек — в жестяную коробочку, отнесла по адресу и зарыла коробочку с письмом в могилу.